

Инь Вэй остался ни с чем, и на душе у него почему-то стало неприятно.

Цзянь Иянь с огромным трудом выбрался из дворца Цифэн. Едва покинув пределы императорского города и направившись в сторону своего поместья, он заметил карету, промчавшуюся мимо на огромной скорости.

Он узнал герб на дверце — это была карета третьего принца, Ли Сюшэня.

В сердце Цзянь Ияня закралась смутная тревога: Ли Сюшэнь направлялся напрямик к торговому кварталу Янчжоу Мэн.

Башня Генерала.

— Куда вы тащите моего брата?! — пронзительно закричала Цзянь Вань. Глаза её налились кровью. Двое дюжих мужчин прижали её к полу, не давая пошевелиться, и ей оставалось лишь беспомощно смотреть, как люди Хуа Инсю уводят Цзянь Юня.

Хуа Инсю, глядя на неё сверху вниз, усмехнулся:

— Лучше потратить это время на то, чтобы побеспокоиться о себе.

Цзянь Вань, сверкая глазами, прошипела сквозь зубы:

— Когда брат Иянь вернётся, он не оставит вас в покое!

Лицо Хуа Инсю помрачнело. Желание погубить Цзянь Юня стало лишь сильнее.

Даже если явится генерал, что с того? При нынешнем нраве третьего принца никто не сможет его остановить.

Если Ли Сюшэнь замучает Цзянь Юня до смерти, а Цзянь Иянь и генерал потребуют ответа, он всегда сможет свалить всё на принца.

Кто осмелится пойти против члена императорской семьи ради сына опального чиновника?

— Тогда молись, чтобы он поспешил! — Хуа Инсю растянул губы в улыбке и с силой наступил на пальцы девушки, методично их раздавливая.

— Ваше Высочество, зачем вы позвали нас сюда...? — несколько отпрысков знатных семейств чувствовали себя не в своей тарелке. Видя мрачное выражение лица Ли Сюшэня, никто не решался сделать шаг вперёд.

Ли Сюшэнь вскинул голову и залпом осушил кубок с вином.

С глухим стуком он опустил сосуд на стол, отчего юноши вздрогнули.

Не меняясь в лице, Ли Сюшэнь жестом приказал ввести Цзян Юня.

— Дарю его вам. Развлекайтесь.

Юноши замерли, обернувшись.

У Цзян Юня спутались волосы, руки и ноги были связаны. Он едва мог приподнять веки, тяжело дыша, и взирал на них влажными, полными ярости глазами. Этот порочный, соблазнительный облик вызывал у каждого, кто на него смотрел, жгучее желание.

Решив, что это очередная причуда Ли Сюшэня, они без колебаний окружили пленника.

Цзян Юнь в отчаянии широко раскрыл глаза и отчаянно забился, но его конечности прижали к полу.

Ли Сюшэнь тоже присоединился к ним. Слушая стоны Цзян Юня, он чувствовал, как внутри разгорается безумная жестокость.

Разве Цзянь Иянь не собирался его защищать?

Посмотрим, как он будет это делать!

В голове у Цзян Юня стоял гул. Он остекленевшим взглядом смотрел на искаженные лица вокруг.

— Иянь... — прошептал он. В его сердце не осталось места ни для кого другого.

Он хотел, чтобы тот пришел, но в то же время боялся этого.

Он ведь муж принцессы... Как он может явиться в подобное место?

И тем более — спасти его.

Цзян Юнь с ненавистью посмотрел на Ли Сюшэня.

Если бы не этот человек...

В тот момент, когда один из юношей потянулся к поясу его одежды:

— Ваше Высочество приказал никого не впускать... — донеслось снаружи.

— Прочь с дороги.

Ли Сюшэнь и Цзян Юнь вздрогнули.

Раздался грохот — дверь сорвалась с петель, и двое стражников влетели внутрь. Этот внезапный шум испугал юношей.

Они подняли головы и увидели Цзянь Ияня, вошедшего в комнату с ледяным выражением лица.

Его взгляд, холодный и властный, заставил всех замолчать.

— Попробуйте тронуть его ещё раз.

Страх сковал юношей, они тут же отпрянули от Цзян Юня и попятились к стене.

— Пришел? — Ли Сюшэнь уставился на него с издёвкой. — А ты довольно прыткий!

Цзянь Иянь тяжело дышал. Он прорвался сюда сквозь дождь, выглядел измождённым, но в его глазах пылала ярость, не уступающая гневу принца.

— Я сказал, что не позволю его трогать.

— Этот парень — лишь объедки с моего стола, — Ли Сюшэнь помрачнел. — Цзянь Иянь, ты лаешь на меня из-за какой-то дешёвки? Ты ведь всего лишь пёс, которого я прикормил...

— Пёс? — тихо переспросил Цзянь Иянь.

— Иянь...?

Цзян Юнь не успел договорить, как Цзянь Иянь шагнул к Ли Сюшэню и с размаху ударил его в лицо.

Принц не успел среагировать и принял удар на себя, ощутив во рту привкус крови.

Когда подоспел Хуа Инсю, было уже поздно. Цзянь Иянь и Ли Сюшэнь сцепились в драке, оба были в крови, а комната превратилась в руины.

Цзянь Иянь, обычно не отличавшийся выдающимися боевыми навыками, сегодня наносил удары с пугающей точностью и жестокостью.

Глядя на это, невольно начинаешь сомневаться: не скрывал ли он свои истинные способности всё это время?

Ли Сюшэнь, у которого от ярости налились кровью глаза, пользовался своим преимуществом в росте и силе, разбив лицо противника в нескольких местах.

— Иянь! — Цзян Юнь заливался слезами, но из-за действия снадобья был слишком слаб, чтобы подняться.

— Чего стоите?! Разнимите их! — крикнул Хуа Инсю своим людям.

Если с третьим принцем что-то случится, головы полетят у всех!

Но прежде чем кто-то успел вмешаться, Цзянь Иянь сбил Ли Сюшэня с ног мощным ударом ноги.

Они наконец разделились. Принц схватился за живот, корчась от боли.

Цзянь Иянь стёр кровь под носом, выпрямился, подхватил Цзян Юня на руки и, глядя на Хуа Инсю, холодно произнёс:

— Говори, кто дал ему яд.

Все побледнели, никто не смел ответить.

Хуа Инсю прикусил губу, в его глазах мелькнула обида:

— Приказ третьего принца... мы не могли послушаться...

— Вот как, — Цзянь Иянь оставался бесстрастен. — Тогда Цзян Юнь больше нечего здесь делать.

Он уже решил отправить его в Управление Юньшао. Там обучали музыке и танцам, а старший принц был большим ценителем искусств. Только став музыкантом, Цзян Юнь сможет привлечь его внимание.

Цзян Юнь, обнимая его за шею, вздрогнул и, покраснев, прошептал:

— Куда бы ты меня ни отправил... я пойду.

— Господин Чжун, прошу вас, приготовьте противоядие, — Цзянь Иянь привел Цзян Юня и Цзян Вань к лекарю.

Чжун Шэнбай остолбенел, увидев раны на лице юноши. Не успел он спросить, что случилось, как Цзянь Иянь добавил:

— В ближайшие дни меня, скорее всего, не будет... Прошу, позаботьтесь о них.

Цзян Юнь с детства был болезненным. Перед отправкой в Управление Юньшао его нужно было привести в порядок. А когда он попадет к старшему принцу, о нем наверняка позаботятся еще лучше.

— Куда ты собрался? — Цзян Юнь вцепился в его рукав, глаза его затуманились слезами.

Цзянь Иянь не ответил — шум снаружи сделал это за него.

Избиение принца не могло пройти бесследно. О случившемся скоро узнает весь город. Даже если Сяо Ли не захочет отправлять его в Далисы, Юйшитай непременно воспользуется этим случаем, чтобы обвинить семью Цзянь в отсутствии дисциплины, и его всё равно арестуют.

К тому же, младший судья Далисы Цзэн Ши был сторонником третьего принца.

Вскоре в дверь постучали стражники.

— Второй молодой господин Цзянь, проследуйте с нами?

Цзянь Иянь разжал пальцы Цзян Юня и утешил его:

— Всё хорошо, не волнуйся.

Он вышел, и до него донесся плач Цзян Юня.

Тот закрыл лицо руками, слезы непрерывным потоком текли по щекам. Он хрипло рыдал, повторяя одну и ту же фразу:

— Я такой бесполезный...

Никчемный, беззащитный, он не смог защитить даже того, кого любил всем сердцем.

Что-то в глубине его души начало меняться, отравляя еще не окрепший росток.

Он начал разрушаться, меняя свой путь.

Превращаясь в белый цветок, окрашенный кровью.

Вэнь Шидао смотрел прямо перед собой, не отводя холодного взгляда от упрямого лица Цзянь Ияня.

Его тонкие губы едва заметно дрогнули, когда он произнес:

— Он сделал это ради Цзянь Юня, так зачем мне просить за него?

Инь Вэй усмехнулся, уловив в словах Вэнь Шидао нотки ревности.

Он взглянул на Вэнь Шидао: тот был абсолютно спокоен, словно и не думал останавливать экзекуцию.

— Ты действительно не вмешиваешься? — улыбнулся Инь Вэй. — А я-то думал, как сильно ты им дорожишь.

Цзянь Иянь сегодня поднял руку на принца ради Цзянь Юня, кто знает, не выступит ли он когда-нибудь и против них двоих?

Надо его проучить.

Хватит бить...

Это человек, которого он оберегал, как мог. Как он может позволить ему терпеть такую боль?

Но никто его не слушал. Кто-то даже оттащил его в сторону, удерживая за руку и предупреждая, чтобы он не вмешивался, иначе навлечет на себя беду.

Все смотрели, как Цзянь Иянь, стиснув зубы, молча принимает удар за ударом. Его одежда превратилась в лохмотья, кровь заливала пол.

Звук ударов плети, пропитанной соленой водой, отдавался в ушах, леденя кровь.

Шестьдесят ударов. А может, и больше — предела не было, пока Цзянь Иянь не признает вину.

Но как он мог признать вину? Он продолжал упорно молчать, игнорируя наставления Цзянь Исына.

Он стоял на коленях, слушая резкий голос, перечисляющий его преступления.

Сяо Ли и наложница Сяо были рядом, Инь Вэй и Вэнь Шидао тоже. Принцесса Линьянь примчалась с прислугой, полная решимости спасти его, но один лишь взгляд Инь Вэя заставил её замолчать.

Как же это больно...

Цзянь Исин от ярости покраснел, сбиваясь на крик:

— Непутевый сын!

Даже закаленный воин не выдержал бы тридцати ударов плетью, потеряв сознание.

Цзянь Шучи дрожал, беззвучно плача, глядя на пятна крови. Его сердце будто разрывали на части, и эта невыносимая боль заставляла его молить о пощаде.

Но Цзянь Иянь продолжал упорствовать, сохраняя остатки сознания, чтобы противостоять им.

Хватит бить... пожалуйста, хватит...

Цзянь Исин, исполнявший наказание, продолжал сурово отчитывать его за нарушение закона и своеволие.

Он был вынужден это делать, он должен был показать всем, что соблюдает семейные законы, поэтому не щадил сына.

При таком буйном нраве Цзянь Ияня, разве могло повредить суровое наказание? У них были тысячи способов сломить его, сделать послушным.

Наложница Сяо и Сяо Ли, хотя и были всё ещё в ярости, начали чувствовать, что пора остановиться.

Если продолжать в том же духе, Цзянь Иянь не выживет.

Ли Линьянь не выдержала, она вскочила и закричала:

— Довольно! Ты хочешь его убить?!

Он был её суженым, и не Инь Вэю было решать, как его наказывать!

Цзянь Исин, услышав это, наконец остановил руку. Он тяжело дышал, лицо его было белым как полотно, а пальцы, сжимавшие плеть, дрожали.

Он никогда еще не был так жесток. В глубине души он считал сына неисправимым бунтарем, и если сейчас его не проучить, пострадает вся семья.

Но... он всё же был его сыном. Сердце разрывалось от боли, словно он сам прошел сквозь терновник.

Инь Вэй бросил взгляд на Ли Линьянь и, не торопясь, произнес:

— Достаточно. Забирайте его и лечите.

Система, которая снова включилась, была в ярости.

Непонятно, на кого злиться больше: на дерзость Ли Сюшэня или на упрямство Цзянь Ияня.

Пока в семье Цзянь царил хаос, она создала иллюзию и перенесла Цзянь Ияня в своё пространство, чтобы подлечить его.

Цзянь Иянь с трудом приоткрыл глаза и хрипло произнес:

— Ты вернулась.

Система разозлилась еще сильнее и начала с силой растирать лекарство.

Цзянь Иянь поморщился от боли.

— Значит, тебе всё-таки больно! — фыркнула система.

— Верни меня обратно, у меня нет баллов на твоё лекарство...

— Не нужно мне твоих баллов!

Вскоре Сяо Ли жестко пресек любые слухи. Благодаря давлению Инь Вэя в столице никто больше не смел обсуждать это происшествие.

Но известие о суровом наказании всё же дошло до Цзянь Юня.

Чжун Шэнбай, глядя на его странное выражение лица, вздохнул:

— Сначала выпей лекарство.

В последнее время состояние Цзянь Юня было пугающим. Хотя большую часть времени он проводил в забытии, в моменты просветления он больше не плакал — лишь смотрел куда-то в пустоту.

С того самого дня Чжун Шэнбай почувствовал, что юноша изменился.

Изменился до самых основ.

Однажды Цзянь Юнь подошел к нему, прижал руку к груди и с искренней, мягкой улыбкой сказал:

— Господин Чжун, не могли бы вы обучить меня врачеванию?

Чжун Шэнбай замер, подумав, что Цзянь Юнь хочет выучиться ради Цзянь Ияня.

Но всё было куда сложнее.

Два месяца спустя Цзянь Юнь и Цзянь Вань были отправлены в Управление Юньшао. Цзянь Иянь наконец смог встать с постели, и первым делом он отправился на занятия.

Войдя в Академию Ганьчэн, он не обращал внимания на перешептывания и держался в стороне от клики Ли Сюшэня, вновь окунаясь в одиночество.

Раз в месяц проводились экзамены.

Во всём, кроме музыки, Цзянь Иянь неизменно занимал первое место. Он больше не хотел подстраиваться под других и скрывать свои таланты.

Когда вся его скромность была отброшена, его истинное лицо предстало перед всеми.

Его талант к математике поразил даже ученых мужей — казалось, он помнил наизусть всё содержание «Девяти глав» и «Математического канона».

Особенно в вопросах инженерного дела, расчетов объемов и распределения работ он предлагал свои уникальные решения.

В картографии, астрономии и прогнозировании он также далеко опередил своих сверстников.

Он не ограничивался установленными правилами. Он заслуживал самого лучшего обучения.

Но после сдачи важнейшего экзамена по стратегии он решительно выбрал путь чиновника, специализируясь на Цзянцзоцзянь и Министерстве общественных работ.

Раньше люди называли его безрассудным юнцом, теперь же он стремительно шел к успеху.

И всё это Инь Вэй видел собственными глазами.

Он считал, что такой Цзянь Иянь ослепителен.

В его сердце зрела злоба, желание поглотить этот свет, завладеть им, запереть его.

Чтобы он светил только для него одного.

Выйдя из Далисы, он не успел залечить раны, как его снова привели к этим людям.

— Ты пёс? Подбираешь с пола объедки?

— Слышал, у тебя неплохие отношения с третьим принцем~ Ну как? Каково это — ублажать мужчину?

— Ничего страшного, что ты запятнал себя. С твоей-то внешностью ты легко найдешь кого-то получше...

Чей-то расшитый сапог наступил ему на пальцы, с силой раздавливая их.

— С голоду помираешь?

Голову прижали к полу, отовсюду доносились издевательские смешки.

Искаженные лица кружились перед ним.

Еду намеренно опрокинули, и женщина противным голосом пропела:

— Ой, как неловко... Цзян-юэши, поешь сегодня впроголодь, хорошо?

Никто не собирался ему помогать, все вокруг лишь наблюдали за представлением.

Цзян Юнь промолчал, опустился на колени и с бесстрастным лицом начал собирать еду обратно в миску.

— Это награда от принцессы. Если вы сделаете то, что нужно... — дворцовая служанка открыла шкатулку, её улыбка была наполнена злобой.

При виде ослепительных золотых шпилек и драгоценностей женщины изумились, их тщеславие и жадность взяли верх.

Но цена, которую она заплатила за свой отпор, — ссылка в Ведомство прачек. Теперь она не могла быть даже танцовщицей, а лишь выполнять грязную работу.

В этот раз Цзян Юнь не стал просить за неё у чиновников, он лишь молча смотрел, как её уводят, в его глазах не было ни капли сочувствия — лишь мертвая гладь воды.

Однажды, когда женщины творили свои гнусности, Цзян Вань ворвалась в комнату и в ярости набросилась на них.

Она била их, давала пощечины, яростно отбиваясь, и кричала:

— Прочь!

Она окрепла, привыкнув к тяжелой работе, и сил у неё было немало. Возможно, сказывалась тренировка в Башне Генерала, но выносливости у неё было даже больше, чем у Цзян Юня.

Достоинство растоптано, личность унижена, его превратили в ничто, приравняв к животному.

Цзян Юнь смотрел на гусли с порванными струнами и молча сжимал кулаки.

Через несколько дней, когда танцовщиц распределяли по комнатам:

— Эй? А твоя змея вернулась?

Кто-то похлопал девушку по плечу. Она взглянула вниз и увидела, что белая змея, которую она когда-то держала, бесшумно ползет по её ноге.

Разве её не отдали Цзян Юню...?

Девушка удивилась — она думала, что с ней давно покончено.

Приближался день зимнего солнцестояния. Столичные чиновники уходили на выходные, гарнизоны приводились в боевую готовность, границы закрывались, торговля замирала.

Из-за тяжелой болезни императора жертвоприношение в Таймiao прошло формально, как и в прошлом году.

После церемонии должен был состояться торжественный прием, на котором Инь Вэй от лица императора примет поздравления от всех гражданских и военных чинов.

<http://bllate.org/book/21581/2223647>